

ских в Академии, стал профессором латинской и российской элоквенции.¹⁵ В течение некоторого времени — с 11 июля 1748 г. по 23 февраля 1749 г. — Тредиаковский читал лекции по элоквенции в академической гимназии.¹⁶ В планы его входило и составление руководства по риторике.¹⁷ Добрую треть оригинального литературного наследия Тредиаковского составляют произведения, написанные в ораторских жанрах: речи, слова, рассуждения.

Риторика была для него универсальной наукой. В «Слове о витийстве», этой своеобразной «Риторике» Тредиаковского, он писал о том, что все науки и искусства есть не что иное, как «Царица Элоквенция, на разных и разным образом престолах сидящая и лучами величества своего повсюду сияющая».¹⁸ Даже Поэзия, эта «живопись словесная», есть не что иное, «как токмо сама Элоквенция, в другую одежду наряженная, на другом месте посаженная, другою честью возвеличенная, другим способом обогащенная».¹⁹

Впрочем, вполне возможно, что причина столь пристального внимания Тредиаковского к этой риторике коренится в имени ее составителя. Чьи же лекции слушал или изучал по записям Тредиаковский? В сочинениях его трудно обнаружить ссылки на какие-либо французские наставления по риторике. Такой ссылкой можно было бы считать следующее место из «Речи о чистоте Российского языка»: «Что же еще страшит нас? Риторика? Помогут нам в ней премногие творцы греческие и римские, а наипаче хитрый и сладкий в слове Марк Туллий Цицерон. Помогут французские Балзаки, Костарды, Патрю и прочие бесчисленные».²⁰ Но речь здесь идет не о теоретической риторике, а об ораторском искусстве (см. ниже ссылку на «слова» и «речи» «Главного нашего Командира» — барона Корфа), и поэтому Тредиаковский ссылается не на теоретиков ораторского искусства, а на прозаиков XVII в. Ж. Л. Гез де Бальзака, П. Костара и О. Патрю.²¹

Пожалуй, единственным указанием на возможного автора «*Articulus unicus de rhetoricae definitione*» является следующее свидетельство о Тредиаковском Г.-Ф. Миллера: «Он очень также хвалился, что в Парижском университете был слушателем зна-

¹⁵ Пекарский П. П. История Академии наук в Петербурге, т. 2, с. 101.

¹⁶ Там же, с. 123.

¹⁷ Тредиаковский В. К. Речь о чистоте Российского языка. — Сочинения и переводы. СПб., 1752, т. 2, с. 10.

¹⁸ Тредиаковский В. К. Слово о витийстве, с. 39.

¹⁹ Там же, с. 41.

²⁰ Тредиаковский В. К. Речь о чистоте Российского языка, с. 17.

²¹ Впрочем, возможно, здесь имеется в виду также и сочинение Ж. Л. Гез де Бальзака, адресованное П. Костару «Парафраз или о великом красноречии» (*Balzac J. L. Paraphrase ou de la grande éloquence. A Monsier Costar. Discours sixième. — Oeuvres diverses. Paris, 1658, p. 121—147*).